

УДК 811.161.1

С. С. Ваулина¹, И. Э. Лосева^{1,2}

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ
АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО
(на примере стихотворения «Я всегда твердил, что судьба – игра...»)**

5

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

² Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга

им. Ш. Есенова, Актау, Казахстан

Поступила в редакцию 25.10.2023 г.

Принята к публикации 12.12.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-1

Для цитирования: Ваулина С. С., Лосева И. Э. Текстобразующая функция авторской модальности в поэзии Иосифа Бродского (на примере стихотворения «Я всегда твердил, что судьба – игра...») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №4. С. 5–12. doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-1.

На основе функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов осуществлен комплексный анализ стихотворения Иосифа Бродского «Я всегда твердил, что судьба – игра...». В процессе анализа основной акцент сделан на авторской модальности как способе транслирования индивидуально-авторской картины мира, на средствах выражения модальных значений. При этом авторская модальность рассматривается как текстобразующая семантическая категория, эксплицированная на различных текстовых уровнях: лексическом, синтаксическом, фонетическом, композиционном. Выявлена роль в структурировании авторской модальности исследуемого текста следующих ресурсов языка: синтаксический параллелизм, стиховой метр и ритм, тропы различной структуры, стилистическая разнородность лексики, фонетическая инструментовка и композиционная организация речи. Установлено, что совокупность средств выражения авторской модальности в тексте стихотворения является способом репрезентации значимых для поэта философских категорий, таких как время, пространство, одиночество, судьба.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, авторская модальность, лирический субъект, индивидуально-авторская картина мира, лирический сюжет

Утвердившийся в современном языкознании функциональный подход обусловил смещение исследовательского внимания в сторону антропоцентрической научной парадигмы, характеризующей текст как продукт активной речевой деятельности человека [4, с. 3–14]. Исследование текста в указанном аспекте непосредственно связано с об-

ращением к универсальным семантическим категориям, к числу которых относится модальность. Совершенно очевидно, что модальность текста, впервые обозначенная И.Р. Гальпериным как явление, субъективное по природе, имеющее функционально-семантический характер, неравномерно проявляющееся в разных фрагментах речи «в характеристике героев... распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаклчениях, в актуализации отдельных частей текста» [8, с. 115], является текстообразующей категорией и занимает одну из доминирующих позиций в организации пространства текста (см., например: [4; 5]).

6

Всестороннее изучение модальности текста, в свою очередь, невозможно без обращения к такому понятию, как «авторская модальность», которую следует квалифицировать как текстообразующую категорию, являющуюся разновидностью субъективной модальности (см. об этом: [6; 15]) и, следовательно, проявляющуюся «при выражении отношения говорящего к содержанию высказывания» [3, с. 7]. Экспликаторами данной семантической категории могут быть, как отмечают Д.Н. Древа и Б.У. Фарниева, языковые элементы лексико-грамматического и структурного уровней, а также «прагматико-идеологические единицы», такие как образы, темы, идеи, концепты [9, с. 3922]. В контексте сказанного уместным представляется привести высказывание И.Р. Гальперина о том, что авторская модальность наиболее ярко актуализируется в тексте только в том случае, если данные прагматико-идеологические единицы группируются с разноуровневыми языковыми средствами, образуя при этом «магнитное поле, к которому приковано внимание читателя» [8, с. 119].

Субъективно-оценочная модальность, — указывает Л.Г. Бабенко, — являясь «основой концептуального пространства текста... представляет собой мнение автора о мире» [1, с. 134–135]. Данный факт означает, что наиболее полное описание индивидуальной картины мира творца возможно только посредством анализа составляющих ее компонентов, в том числе способов выражения авторской модальности, скрепляющей «все единицы текста в единое смысловое и структурное целое» [5, с. 96].

В вышеуказанном аспекте несомненный интерес представляет поэтическое наследие Иосифа Бродского как яркий пример транслирования автором своей мировоззренческой позиции, что подтверждается высказываниями целого ряда исследователей творчества поэта, отмечающих автобиографичность его текстов (см., например: [12; 13; 18; 21]). Так, В.П. Полухина справедливо утверждает, что Иосиф Бродский превращает «все события собственной жизни в эстетический объект, и в этом плане его лирический герой автобиографичен» [18, с. 84]. При этом индивидуальное начало творчества поэта, проявляющееся в выражении собственных нравственных интенций, во многом реализуется с помощью экспликаторов авторской модальности, выполняющей в данном случае текстообразующую функцию.

Одним из ярких примеров этой функции может служить стихотворение И. Бродского «Я всегда твердил, что судьба — игра...» (1971) [22,

с. 427–428]¹, анализ которого мы проводим в данной статье на основе функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов с учетом «речевой, коммуникативной реализации» [14, с. 7] авторской модальности. При этом в процессе анализа рассматриваемого поэтического текста как единицы высшего языкового уровня нас в первую очередь интересует лексическое наполнение данной категории, а также ее синтаксическое, фонетическое и композиционное выражение.

Важно отметить, что в анализируемом стихотворении Бродского получает оригинальное воплощение тема собственного «я», к которой поэт неоднократно обращается на протяжении своего творческого пути. Чаще всего в своей лирике автор избегает употребления местоимений первого лица, предпочитая ему, как отмечает И. В. Романова, «формы субъектного ты/вы или остраняясь до третьего» [20, с. 110] (см., например, его стихотворения «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...», «Одиночество», «Итака» и др.). В указанном же тексте И. Бродский довольно часто использует личное местоимение «я», которое становится «семантическим и... структурным центром высказывания», тем самым приобретая субъективно-модальную оценку [17, с. 45]. Поэтому употребление автором данного местоимения неслучайно — подобным способом Бродский подчеркивает личный характер стихотворения, при котором использование излюбленных авторских масок становится невозможным.

Лирический сюжет стихотворения, тесно связанный, по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, «с местоименной структурой... языка» [16, с. 91], изменяется каждый раз, когда автору необходимо переместить своего лирического героя в сферу философских размышлений. В подобных случаях Бродский использует параллельные синтаксические конструкции, начинающиеся с местоимения «я», например: «Я всегда твердил, что судьба — игра»; «Я считал, что лес — только часть поляна»; «Я писал, что в лампочке — ужас пола»; «Я сказал, что лист разрушает почку».

Использование в вышеприведенных отрывках средств выражения модального значения достоверности с помощью «предикатов пропозиционального отношения со значением знания, мнения и полагания» [2, с. 159] (*я твердил, считал, писал, сказал*), является дополнительным способом репрезентации индивидуально-авторской картины мира. Таким образом поэт подчеркивает твердость своей позиции, достоверность рассуждений.

Актуализация потенциала языковых единиц структурного уровня стихотворения становится возможной благодаря использованию синтаксического параллелизма и богатству лексического наполнения текста. Повторяющиеся текстовые конструкции не только содержат эксплицитно выраженное лирическое «я» (о чем говорилось выше), но и

¹ Далее мы цитируем стихотворение по данному изданию, курсив в цитатах наш.

создают особенную ритмическую организацию произведения, акцентируя тем самым читательское внимание на дополнительных темах стихотворения: любви, одиночества, человеческой судьбы, отношения между временем, пространством и вещью. Фокусирование внимания читателей на важных для автора темах происходит в том числе посредством внутрстиховых пауз, цезур, обозначенных в тексте при помощи тире. Дополнительное «впечатление эмоционального нагнетания» [10, с. 199] создается благодаря многократному использованию поэтом союза *что*, позволяющему совместить в рамках одной стихотворной строки два разных тематических пласта произведения: личного, авторского и философского, вневременного. Например: «*Я всегда твердил, что судьба — игра. / Что за чем нам рыба, раз есть икра. / Что готический стиль победит, как школа...*»; «*Я считал, что лес — только часть полена. / Что за чем вся дева, раз есть колено. / Что, устав от поднятой веком пыли/ русский глаз отдохнет на эстонском шпиле...*»; «*Я писал, что в лампочке — ужас пола. / Что любовь, как акт, лишена глагола. / Что не знал Эвклид, что, сходя на конус, / вещь обретает не ноль, но Хронос...*»; «*Я сказал, что лист разрушает почку. / И что семя, упавши в дурную почву / не дает побега...*»

Лексический строй произведения отличается характерной для стиля Иосифа Бродского разнородностью. Поэт мастерски сочетает лексемы высокого и низкого стилей, обращаясь к «непоэтической, взрывной лексике» [19, с. 183], органично вплетая ее в общий стихотворный рисунок. Данная языковая игра не просто «создает ощущение пламенной энергии в голосе рассказчика» [7, с. 43], но и акцентирует наше внимание на возможности сочетания разнородных текстовых элементов ради того, чтобы попытаться достичь общей цели — выйти на новый, метафизический уровень восприятия и осмысления действительности. Например: «*Что готический стиль победит, как школа. / Как способность торчать, избежав укола...*»; «*Я сижу у окна. Вспоминаю юность. / Улыбнусь порою, порой отплюнусь*»; «*И что семя, упавши в дурную почву, / не дает побега; что луг с поляной / Есть пример рукоблудья в природе данный...*»

Во многом базируясь на стилевом разнообразии лексики, автор использует не только частотную в своем творчестве «метафору отождествления» (термин В.П. Полухиной), но и многочисленные метонимические вариации: «судьба — игра»; «лес — только часть полена»; «что за чем вся дева, раз есть колено»; «русский глаз отдохнет на эстонском шпиле», «в лампочке — ужас пола». При подобном сочетании различных понятий их семантика, приобретая неожиданные оттенки, окрашивается новыми смыслами.

Центральная метафора произведения («в лампочке — ужас пола») становится началом череды авторских размышлений, одно из которых мы считаем необходимым проанализировать более подробно. Высказывание «...не знал Эвклид, что, сходя на конус, / вещь обретает не ноль, но Хронос...» неслучайно композиционно расположено в центре стихотворения. Именно в данном стихотворном контексте автор наи-

более полно выражает глубинный смысл произведения: умирая, обнуляясь, вещь не исчезает, а становится частью, но не пространства, как в более ранних произведениях поэта (см., например, стихотворение «Натюрморт»), а времени. Примечательно, что поэт использует в стихотворении не лексему *время*, а понятие *Хронос*, тем самым обыгрывая одну из своих излюбленных аллюзий — отсылку к древнегреческой мифологии. Согласно мифологическому сюжету, бог Кронос (Хронос) — это не только олицетворение времени, но и один из родоначальников мира, отец трех верховных богов — Аида, Посейдона и Зевса. Вводя в лирический сюжет категорию персонифицированного времени, Бродский, по нашему мнению, проводит мысль не только о вечном существовании вещей во времени, но о неизменном, цикличном возвращении каждой из них (и нас самих в том числе) к началу начал.

9

Шестая и заключительная строфа стихотворения, напротив, имеет не вневременное, философское, а сугубо персонифицированное начало. Отходя от абстракций, поэт дает оценку себе, своей эпохе и творчеству: «гражданин второсортной эпохи, гордо / признаю я товаром второго сорта / свои лучшие мысли, и дням грядущим / я дарю их как опыт борьбы с удушьем». Таким образом, Иосиф Бродский в рамках одного стихотворного текста совмещает вневременной, философский план с предельно личными умозаключениями, наполненными автобиографическими чертами.

Ритмическая и фонетическая организация рассматриваемого стихотворного текста наряду с усложненным синтаксическим построением и лексическим разнообразием стихотворения является еще одним немаловажным фактором, структурирующим его лирический сюжет (более подробно об этом см.: [11]). Анализируемое произведение написано четырехиктовым дольником с небольшими сдвигами. Стабильность заданного автором ритма вкупе с преобладанием в тексте номинативных единиц практически останавливает динамику текста. Таким образом, лирический сюжет стихотворения, не обладая внешней выраженностью, фокусируется на внутренней, философской стороне текста.

Фонетическая организация стихотворения, в свою очередь, создает сверхязыковые связи, дополнительно семантизирующие незначительные на первый взгляд элементы. Так, использование дрожащего звука [р] с шипящими [ш] и [щ] в нижеприводимом фрагменте подчеркивает заданную автором оппозицию двух начал — личного и внеличного, философского: «Я всегда твердил, что судьба — игра. / Что зачем нам рыба, раз есть икра. / Что готический стиль победит, как школа, / как способность торчать, избежав укола»; «Что не знал Эвклид, что, сходя на конус, / вещь обретает не ноль, но Хронос».

Ценностная система анализируемого текста вкупе с ее эстетической составляющей обуславливают способы выражения авторской модальности как значимого прагматико-идеологического элемента произведения. В частности, авторская модальность, выполняя текстообразующую функцию, структурируется при помощи таких ресурсов языковой

системы, как местоименная структура, использование в ближайшем стихотворном контексте стилистически разнородных лексических единиц, синтаксическая организация текста и стихотворный размер, создающие особую ритмическую оформленность произведения, фонетическая и композиционная организация стихотворной речи, являющиеся дополнительными текстовыми скрепами. При помощи вышеперечисленных языковых средств Иосиф Бродский транслирует свое мировосприятие, соединяя в ближайшем стихотворном контексте такие мировоззренческие понятия, как место человека в мире, тотальное одиночество, соотношение времени, места и пространства, с предельно личными жизненными наблюдениями.

Список литературы

1. *Бабенко Л. Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. : в 2 ч. Калининград, 2009. Ч. 2. С. 133–142.
2. *Беляева Е. И.* Достоверность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность : монография / под ред. А. В. Бондарко. Л., 1990. С. 154–171.
3. *Боброва С. В.* Категория модальности и ее выражение в тексте И. Бродского «Тебе, когда мой голос отзвучит» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2021. №1. С. 6–15.
4. *Бондарко А. В.* Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 4–134.
5. *Валгина Н. С.* Теория текста. М., 2003.
6. *Ваулина С. С., Девина О. В.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Балтийского федерального института им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2010. №8. С. 8–13.
7. *Верхейл К.* Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. СПб., 2002.
8. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.
9. *Дреева Д. Н., Фарниева Б. У.* Авторская модальность в поэтическом тексте (на материале стихотворения Р. Киплинга «If») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3921–3925.
10. *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
11. *Ковалев О. А., Негреева А. Д.* Сюжет и ритм в лирике И. Бродского: к вопросу о соотношении семантики и ритмической структуры лирического текста // Филология и человек. 2013. №3. С. 60–66.
12. *Колобаева Л. А.* И. Бродский: работа с античным мифом // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. Вып. 2. С. 67–83.
13. *Косвинцев М. Н.* Послание к минувшему. О рефлексивных особенностях творчества И. А. Бродского // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. Вып. 4. С. 51–56.
14. *Кузнецова А. В.* Субъективная модальность художественного текста: онтологический статус в авторской концепции мира // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. №4. С. 5–14.
15. *Кузнецова А. В.* Авторская модальность художественного текста в парадигме нарратологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №4. С. 164–170.

16. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
17. Опарина А. В. К проблеме авторской модальности текста // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. №1 (9). С. 44–48.
18. Полухина В. П. Больше самого себя. О Бродском : монография. Томск, 2009.
19. Романов И. А. Лирический герой поэзии И. Бродского: преодоление маргинальности : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
20. Романова И. В. Поэтика повторов в поэзии Иосифа Бродского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. №3. С. 105–114.
21. Смит Дж. Иосиф Бродский: взгляд иностранного современника // Иосиф Бродский: проблемы поэтики : сб. науч. тр. и материалов. М., 2012. С. 7–17.
22. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. СПб., 2001. Т. 2.

Об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: svaulina@mail.ru

Ирина Эдуардовна Лосева — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; ст. преп., Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова, Актау, Казахстан.
E-mail: Losevairina90@mail.ru

S. S. Vaulina¹, I. E. Loseva^{1,2}

TEXT FORMATION FUNCTION OF THE AUTHOR'S MODALITY IN THE POETRY OF JOSEPH BRODSKY:

(on the poem «I always kept saying that the fate is a game...» —
«Я всегда твердил, что судьба — игра...»)

¹Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

²Yessenov University, Aktau, Kazakhstan

Received 25 October 2023

Accepted 12 December 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-1

To cite this article: Vaulina S.S., Loseva I.E., 2023, Text formation function of the author's modality in the poetry of Joseph Brodsky (on the poem «I always kept saying that the fate is a game...» — «Я всегда твердил, что судьба — игра...»). *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 5–12. doi: 10.5922/pikbfu-2023-4-1.

The article has conducted a comprehensive analysis of Joseph Brodsky's poem "I always kept saying that the fate is a game..." based on functional-semantic and communicative-pragmatic approaches. In the process of analysis, the main emphasis is placed on the author's modality as a means of transmitting his individual worldview. The author's modality is considered as a text-forming semantic category, explicit at various textual levels: lexical, syntactic, phonetic, and compositional. The role of the following language resources in structuring

the authorial modality of the analyzed text has been identified: syntactic parallelism, poetic meter and rhythm, tropes of various structures, stylistic diversity of vocabulary, phonetic instrumentation, and compositional organization of speech. It is established that the combination of means expressing the author's modality in the poem is a way of representing significant philosophical categories for the poet, such as time, space, loneliness, and fate.

Keywords: Josef Brodsky, author's modality, lyrical subject, author's individual world perception, lyrical plot

The authors

Prof. Svetlana S. Vaulina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: svaulina@mail.ru

Irina E. Loseva, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Assistant Professor, Yessenov University, Aktau, Kazakhstan.

E-mail: Losevairina90@mail.ru